

Гильермо Франкенштейн

Рецензия на фильм Гильермо дель Торо «Багровый пик»

«Багровый пик» в свое время снискал весьма умеренные отзывы критиков и средние зрительские оценки. Этот фильм так и остался бы проходным в карьере Гильермо дель Торо и в калейдоскопе красивых хорроров, если бы не одно но. «Багровый пик» – это уникальная попытка воскресить давно забытый «черный» или готический роман. Такой взгляд на фильм может обнаружить много интересного.

Готический роман появляется в конце XVIII века как результат разочарования в идеалах эпохи Просвещения. «Черный роман» создает целую эстетическую систему, которая затем будет воспринята романтической литературой. Однако уже в начале XIX века жанр готического романа умирает. На его место приходят травестированная готика и романтические мистификации, которые, хотя и используют некоторые коды готического романа, все же далеки от него. Эту линию литературы продолжают в кино экранизации романтических произведений о нечисти и их трактовки: от «Дракулы» (1931) до «Интервью с вампиром» (1994), от «Франкенштейна» (1931) до сериала «Страшные сказки» (2014-2016), от «Вия» (1967) до «Вурдалаков» (2017). В общем, фильмы, которые совершенно несправедливо характеризуются как «киноготика». Однако мы не вспомним ни одной экранизации произведений Энн Радклиф, Горация Уолпола, Чарльза Метьюрина или даже Николая Карамзина. Экранизаций готических романов нет и не может быть. «Черный» роман давно перестал быть «романом ужасов», как его когда-то называли – он слишком архаичен. Теперь эти истории никого не смогут ни напугать, ни взволновать. Действительно кого сейчас приведут в ужас страшные знамения, тайны замков, родовые проклятия, инцест, поданные под соусом избыточной сентиментальности? Готику в XXI веке и читать-то трудно, не то что экранизировать.

А Гильермо дель Торо смог умело использовать общие места готического романа, добавив ему остроты с помощью современных визуальных эффектов и приемов хоррора.

Первым и явным указанием на «книжный» характер «Багрового пика» является начало фильма: титр с названием картины помещен на обложку книги, которая, открываясь, приглашает зрителя в мир художественного текста, а сам фильм становится

как бы содержимым книги. Такой прием часто используется в фильмах-экранизациях, здесь он намекает на связь с литературной традицией.

В фильме возникают все характерные для готического романа мотивы: страшное предсказание (мать-призрак предостерегает свою дочь Эдит), родовое поместье, полное тайн (Аллердейл Холл), зловещие призраки и ужасная тайна, которая открывается в конце – тайна инцеста (связь Люсиль и Томаса). Так же, как и в готическом романе, по-настоящему ужасное в «Багровом пике» связано не с призраками, а с пороками людей.

Но Гильермо дель Торо все же уходит от прямолинейного подражания готическому жанру. В фильме появляются детали, привнесенные из других реалий и придающие «Багровому пику» эклектический характер.

Вот героиня Мии Васиковски - Эдит. Она американка, феминистка, пытается добиться признания и пишет роман. Кстати, у Эдит Кушинг есть знаменитая тезка – Эдит Уортон – американская писательница, первая женщина, которая получила Пулитцеровскую премию. Поклонник мисс Кушинг доктор Алан Макмайл (Чарли Ханнэм), наверное, чтобы понравится возлюбленной, увлекается модным спиритизмом и показывает Эдит зафиксированные на камеру изображения призраков. Спиритизм предполагает контакт с потусторонним. В готическом романе весь мир настроен враждебно по отношению к героям, призраки не помогают и даже не вступают в диалог с людьми, только пугают их. В «Багровом пике» наоборот происходит попытка сближения мира людей и мира привидений. Все появления призраков в фильме пугают зрителя, и именно от них мы ожидаем угрозу, однако сами призраки хотят лишь помочь героине.

Нехарактерными для готического романа являются и конфликты «Багрового пика»: конфликт женщины и общества, старого и нового, американской и британской культур. Но интересно, что чуть ли не центральный конфликт Старого и Нового света раскрывается во многом как раз за счет игры с литературными традициями.

Так, Люсиль называет роман Эдит посредственным, кажется, не только из злобы. Роман Эдит – ничто в сравнении с мощной готической британской традицией. И из уст Люсиль это замечание звучит особенно убедительно – ведь она сама словно сошла со страниц готического романа. Британия – единственное место, где могла бы родиться порочная Люсиль. Здесь пространство для кошмарных событий подготовлено

литературой.

Америка с этой литература знакома плохо. Но не случайно британцев принимают отнюдь не радушно. Томас Шарп – шаблонный романтический герой, и для возвышенной Эдит он предстает «прекрасным мечтателем», а у прагматичных и приземленных янки вызывает отторжение и подозрительность. Сама Эдит, которая так внимательна и замечает то, чего не замечают другие, после близкого знакомства с Томасом как будто слепнет. Она не видит очевидных вещей, не может связать причину и следствие. Ее отец враждебно относится к Шарпам и отказывает Томасу в помощи, затем его кто-то убивает, а Томас Шарп тут же женится на Эдит и спешно покидает Америку. И там, где все заметили подвох, Эдит, ослепленная романтической маской Шарпа, ни о чем не догадалась. А если бы Эдит была лучше знакома с британской литературой, может быть она бы знала, что сближение с романтическим героем не может иметь счастливый финал.

Но не стоит забывать, что перед нами все-таки не роман, а фильм, так что конфликт Старого и Нового Света подчеркнут и на визуальном уровне: все сцены в Америке сняты в теплых, желтых тонах, сцены в британском поместье Шарпов – в холодных; Эдит часто носит желтые платья, Шарпы одеты в темное, а Люсиль в Америке надевает красное платье (цвет крови и глины в поместье Шарпов).

Цвет и визуальные метафоры в «Багровом пике» действительно очень важны. Так красные пятна глины, проступающие из-под снега, рифмуются с пятнами крови на рубашках Макмайкла, Томаса и Люсиль. Образ разваливающегося дома работает так же как в рассказе Эдгара А. По «Падение дома Ашеров», т.е. становится метафорой угасания и разложения рода. Дом буквально кровоточит красной глиной. И если сама Эдит призраков в своем романе называет метафорами, призраки в фильме тоже можно рассматривать как визуальное воплощение горя и страданий.

Итак, «Багровый пик» превращается в метатекст, рефлексирующий над условностью литературных шаблонов и пытающийся столкнуть две литературные традиции, прочно связанные при этом с традициями культурными. Багровый пик можно назвать поистине смелой и сильной попыткой реанимировать чистый готический роман, а Гильермо дель Торо, ожививший жанр с помощью электричества спецэффектов, вполне за это достоин называться Франкенштейном.